

Михаил КОТЕЛЬНИКОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К. КАУТСКОГО

В отечественной литературе советского периода прочно обосновалась установка, согласно которой между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным - с другой, лежит полоса сплошного *опошления* марксизма, представленная возглавляемым К. Каутским «обанкротившимся» II Интернационалом. Указывая на противоречивый характер эволюции его социально-политических и философских воззрений, советские марксисты руководствовались ленинской оценкой, в соответствии с которой она рассматривалась, в конечном счёте, как центристская и оппортунистическая.

Фиксируя факт «полного отречения от марксизма у Каутского» и подчёркивая значение представленных в его работах марксистских положений, В.И. Ленин в 1916 г., обращаясь к читательской аудитории, просил «не забыть - вать, что Каутский до 1909 г., до его прекрасной брошюры «Путь к власти» был врагом оппортунизма, к защите которого он повернул лишь в 1910 -1911 гг., а решительнее всего лишь в 1914-1916 гг.»¹. Центризм Каутского, с точки зрения Ленина и других ортодоксальных марксистов, выразился в занятой им примиренческой позиции по отношению к ревизионистам, защите правых оппортунистов от критики слева, *обнаружившемся (вдруг?) непонимании* сущности эпохи революционного преобразования мира. Для идейной ориентации Каутского, по мнению С.М. Брайовича, «с начала 80-х годов XIX в. до конца его жизни характерна вера в историческую необходимость наступления социализма. Однако марксистская теория, - по его словам, - никогда *не была понята* им во всей её *целостности* и во всей её *глубине*. Для него было свойственно понимание марксизма как экономического учения, сведение его философского содержания *лишь к материалистическому пониманию истории*, неглубокое понимание роли субъективного фактора, *недооценка диалектики*»². (Курсив мой. - М.К.) Главный упрёк сводится к отсутствию у Каутского конкретно-исторического подхода, вследствие чего его «стремление... быть верным букве марксизма оборачивалось *догматизмом*»¹¹. (Курсив мой. - М.К.)

Небезынтересно отметить, что тот же стандартный набор из догматизма, некритичности и непрактичности, выразившихся, якобы, в неумении *применить* марксистский диалектический метод на практике, Ленин, как известно, адресует и другому «высоко учёному марксисту и

¹ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // ПСС, т. 25, с. 259. Ленин аттестует работу «Путь к власти», переведённую на многие европейские языки, как «самое цельное, самое благоприятное для немецких социал-демократов (в смысле подаваемых ими надежд) изложение взглядов на задачи нашей эпохи, принадлежащее перу самого авторитетного во II Интернационале писателя» (Ленин В.И. Мёртвый шовинизм и живой социализм (как восстанавливать Интернационал?) // ПСС, т. 26, с. 98).

² Брайович С.М. Карл Каутский - эволюция его воззрений. М.: Наука. 1982, с. 27.

преданному социализму вождю II Интернационала» - Г.В. Плеханову, теоретическая и политическая судьба которого ещё менее «завидна» и поразительно напоминает перипетии каутскианской¹⁸. Подобно Плеханову, Каутский был обречён на отлучение от диалектики уже в силу не вызывающих сомнения принципиальных расхождений между его собственной и ленинской версиями марксизма. По этой причине взгляды Каутского, заслужившего «авторитет не только лучшего популяризатора и комментатора учения Маркса и Энгельса, но и теоретического вождя немецкой и международной социал-демократии», так и «не получили. детального исследования в советской философской науке».

Критерии марксистской идентичности в идейной ориентации Каутского

Многое из того, что ещё недавно (по историческим меркам) казалось самоочевидным, становится сегодня предметом критического переосмысления. Разве не является, например, «крайняя», *ортодоксальная* точка зрения всегда в то же время *односторонней*, в силу своей граничащей с догматизмом прямолинейности и перерастающей в него? И почему центризм не рас - сматривать в этом случае как попытку преодоления, «нейтрализации» такого рода ограниченности? Представлял ли Каутский, во всяком случае, какую - либо опасность для *развивающегося* марксизма, и если - да, то в чем её *гносеологические*, а не идеологические (имеющие для ортодоксального марксизма решающее значение) основания? Если противоречия служат источником развития (и по отношению к марксизму в том числе), должны ли марксисты стремиться к их всемерному обострению, превращая идеологическую борьбу в самоцель? Мог ли признанный вождь европейской и международной социал-демократии, изменив интернациональным убеждениям, в одночасье обнаружить националистическую «подкладку» и превратиться в отъяв - ленного социал-шовиниста? Или всё-таки диалектическая (а, значит, и марксистская) интерпретация классовых и национальных интересов пролетариата не всегда предполагает *подчинение* второго фактора первому?^{3 4 5 6} Были ли клятвы Каутского в верности марксизму неискренними? И если центристы заняли «выжидательную» (по критериям *революционной* практики) позицию, такими ли уж бесплодными оказались их ожидания?

На протяжении многих десятилетий комплекс этих достаточно сложных в теоретическом отношении вопросов подвергался в рамках ортодоксального марксизма столь мощному идеологическому прессингу, что от подлинно диалектической методологии мало что оставалось. Советским марксистам вход в творческую лабораторию марксова анализа исторического процесса был открыт только с «парадного крыльца», т.е.

³ Там же, с. 44.

⁴ См.: Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС, т. 41, с. 87 -88.

⁵ Брайович С.М. Указ. соч., с. 45, 3.

против внешнего врага, в особенности агрессора» (Момджян Х.Н. Поль Лафарг и философия марксизма. М., Мысль, 1978, с. 159).

при обязательном условии признания того, что «главное в учении Маркса, это - выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества»⁷. Для Каутского, как бы то ни было, роль субъективного фактора в диалектике мирового революционного процесса отнюдь не сводилась к учению о диктатуре пролетариата, но и не была «тайной» за семью печатями, как полагали ортодоксальные марксисты. Подводя поставленные вопросы под «общий знаменатель», можно свести их в интересующем нас отношении к одному: так ли уж были правы ортодоксы, утверждая, что «К. Каутскому не удалось понять историю общества в *единстве* естественноисторического и деятельностного аспектов»?⁸ (Курсив мой. - М.К.)

Деятельностная парадигма представлена в содержании формационной (как человеческий фактор в структуре производительных сил и наличная система общественных отношений), но не в качестве живой, непосредственной, а прошлой, *опредмеченной* деятельности, т.е. в диалектически «снятом» (подчинённом и преобразованном) виде. Эта хорошо *видимая* сторона противоречия, будучи *противопоставлена* в рамках теоретического анализа «естественноисторическому» (формационному) аспекту, т.е. фактически абсолютизирована, ещё не раскрывает содержания социально-преобразующей практики, поскольку берётся вне рамок диалектического тождества субъекта и объекта. Между тем, именно в непонимании диалектического характера взаимосвязи формационной и деятельностно-революционной парадигм кроется источник заблуждений, ставших традиционными инсинуациями по поводу якобы присущего марксизму фатализма, финализма, автоматизма, «атеистического провиденциализма», с одной стороны, и - увы - вполне заслуженных обвинений в волюнтаризме, адресованных ортодоксальным последователям Маркса, - с другой. «Философско-историческая установка», таким образом, теряет всю свою научную привлекательность как *руководства к революционному действию*, если в самом теоретическом знании неверно расставлены акценты в соотношении взаимодействующих полюсов механизма социальной детерминации.

Сформулированный Марксом закон возрастания роли субъективного фактора в истории сыграл в этом смысле злую шутку с ортодоксальными марксистами ничуть не в меньшей (а принимая во внимание масштабы революционных преобразований даже в гораздо большей) степени, чем с их оппонентами, свернувшими с революционного пути на *реформистский*. Каутский избежал этой участи, справедливо полагая, что «в деле прогресса вообще - ства, в деле прогресса общественной науки и общественной организации материалистическое понимание истории оказывается сильнейшим нашим помощником. Теория помогает нам... делать это без *всякой мистики*, чуждаясь как простого *пассивного*

⁷ Ленин В.И. Исторические судьбы учения Карла Маркса // ПСС, т. 23, с. 1.

⁸ Брайович С.М. Указ. соч., с. 110.

ожидания грядущего, так и *нетерпеливых попыток* вырваться из цепей необходимости, перепрыгнуть через неизбежные фазы развития и *насильственно* изменить ход последнего» ; «вот почему мы, «неомарксисты», всеми силами стремимся распространить наш исторический метод и защитить его от недоразумений и искажений»^{9 10}. (Курсив мой. - М.К.)

Обратим внимание на то, что Каутский именует себя здесь «неомарксистом». В судьбе этого достаточно популярного на Западе термина причудливо отразились разные представления о сущности марксизма. Как правило, с «неомарксизмом» ассоциируется альтернатива его ортодоксальной разновидности, хотя В.В. Зеньковский, например, именно Ленина считал «основоположником неомарксизма». Однако рассматривать в качестве «нового слова» в марксизме положения, иллюстрирующие его непомерно разросшуюся идеологическую сторону в *ущерб* научно-теоретической составляющей, было бы сегодня очевидным заблуждением. Под ортодоксией в этимологическом значении слова понимается *неуклонное следование правоверных приверженцев какому-либо направлению* учения. Поскольку выбор последнего большевиками определяется предпочтением «буквы» (т.е. марксистской идеологии), от демонстрируемого ими желания «приватизировать» также и методологию («дух») он уже не зависит, ибо ортодоксия неумолимо её деформирует.

Вместе с тем, нуждается в уточнении и «ортодоксальная» самооценка Каутского, которую он не скрывал. Все дело в том, что на протяжении длительного времени критериальный подход не обладал достаточной определённой и для оппонентов Бернштейна в условиях озвученного им идентификационного кризиса марксизма термин «ортодоксия» служил своего рода общим «символом веры» (*credo*). Поскольку пафос ревизионизма был направлен непосредственно против диалектической сущности марксизма, вполне естественным казалось убеждение в том, что «ортодоксия», как утверждал по примеру всех сторонников этого направления Д. Лукач, «относится *исключительно* к методу». Однако в практике политической борьбы становилось всё более очевидным, что ортодоксия не применима в рамках диалектической философии, для которой, по выражению Энгельса, «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого». Зато атрибут «ортодоксии» оказывается вполне органичным для идеологической теории. В итоге, будучи отождествлён с идеей «диктатуры пролетариата», этот критерий уже на протяжении целого столетия прочно ассоциируется с приверженностью идеологической «букве» классического марксизма и служит обозначением исторически тупикового направления в нем. Что касается Каутского, то не следует забывать, что, в отличие от Бернштейна, он впоследствии ставил себе в заслугу и то, что его взгляды *не претерпели* ни малейшего изменения, что он «ничего не ревизовал» и

⁹ Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2, с. 838-839.

¹⁰ Каутский К. О материалистическом понимании истории. Иваново-Вознесенск. 1923, с. 61.

ему было «нечего ревизовать».

Каутский, действительно, не приемлет антидиалектического пафоса Бернштейна, не призывает на помощь «прозревшего Маркса» против Маркса «заблуждающегося» и не считает, что основоположники «изменили свои взгляды», сами того не сознавая. В противовес этому он подчеркивает, что их научные достижения были бы немыслимы без знания диалектики, которая представляет собой «лучший инструмент» и «острейшее оружие» теоретического исследования, что борьба противоположностей есть «движущая сила всякого развития». Нельзя, конечно, не принимать во внимание, что в поле - мике с Бернштейном он в большей мере ограничивается цитатами из произведений Маркса и Энгельса, чем творческим развитием диалектического учения, тем более, что, по его собственным словам, философия никогда не была его «сильной стороной». Между тем, именно в философских основах марксизма, замечает он в письме Г.В. Плеханову, уже наметились серьёзные разногласия в связи с усилением влияния неокантианства на «молодых марксистов», в числе которых он упоминает Э.Бернштейна и П.Б. Струве^{11 12}.

Как бы то ни было, выступив от имени ортодоксов с критикой Бернштейна, Каутский публикует статьи, появившиеся в 1899 г. в «NeueZeit» и «Vorwärts», которые позднее включает в свою работу «К критике теории и практики марксизма. Антибернштейн». Учитывая дилетантский уровень теоретической подготовки духовного «отца» ревизионизма, вряд ли стоит удивляться тому, как это делает Е.А. Самарская, что Каутский *«остался глух к важнейшим пунктам критики марксизма Бернштейном, особенно к философской стороне этой критики, иногда складывается впечатление, что он ее, может быть, и не совсем понял»*. Самарская заблуждается, полагая, что «... по словам Энгельса, не останавливающийся ни перед чем революционный метод в своих конкретных исторических формах, взять ли гегелевскую диалектику или марксистскую, был на деле *весьма консервативным, служил для оправдания изначально заданной системы ценностей...* Каутский, как и многие марксисты того времени, - пишет она, - этого *не учитывал*, увлечённый благородством и новизной самой цели. Соответственно он не видел ничего *драматического* в *дуалистическом* характере марксизма, сочетавшем в себе *научность* и *социалистическую тенденциозность*. Напротив, *это обстоятельство, по его мнению, было источником великого в марксизме*. Он писал о Марксе и Энгельсе: «Этот «дуализм», т.е. сочетание научности с революционностью, экономического материализма с практическим идеализмом, служил не только для них, но и

¹¹ Подтверждение этому можно найти в предисловиях его переизданных работ, в частности, таких как «Путь к власти» (1921 г.) и «Автобиографические очерки».

¹² См.: Каутский К. Письмо Г.В. Плеханову, 6 февраля 1901 г. // Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова: В 3-х т. М., 1973, т. 2, с. 172.

для их последователей источником всего лучшего, созданного ими в области интеллектуального...»³⁷ *«Можно, конечно, согласиться с Каутским, что подчас открытая политическая направленность анализа может привести к более глубокому видению вещей, чем то, на какое способен беспристрастный наблюдатель, но она же чревата и односторонностью. Никто лучше марксистов не разоблачал пороки капитализма, но это лишь подтолкнуло их к неверному выводу о его неизбежном крахе»*³⁸. (Курсив мой. - М.К.).

Итак, Каутский не только *не отрицает* наличия основного противоречия в марксизме в качестве источника его развития, но, в отличие от Е.А. Самарской, именно в соединении научной глубины и революционности, слиянии теории и практики видит объяснение его растущей популярности. В своей брошюре «Путь к власти» в разделе «Экономическое развитие и воля» он отвергает упрек ревизионистов, анархистов и либералов в том, будто бы Маркс оставался *в плену формально-логического* по своей природе противоречия: как мыслитель, не признавая свободной воли и полностью полагаясь на протекающее «автоматически» экономическое развитие, а как революционный борец - апеллируя к активности пролетариата. «Нет ничего ошибочнее мнения, - подчёркивает Каутский, - будто познание экономической необходимости означает ослабление воли... Вся экономическая теория превращается в пустое жонглирование понятиями для каждого, кто не исходит из признания человеческой воли движущей силой всякого экономического процесса» .

В этой работе, посвящённой проблеме *революции*, возможной в связи с подготавливаемой империализмом мировой войной, Каутский призывает социал-демократию оставаться «непоколебимой, последовательной, непримиримой», быть готовой к любому повороту событий «в период борьбы за государственную власть». Конспектируя её, Ленин отмечает, что хотя в ней и рассматриваются вопросы политической революции, но нет «ни слова о *революционном* использовании *всякой* революционной ситуации!» Можно согласиться с Лениным в том, что «Каутский, несмотря на свои громадные заслуги, *никогда* не принадлежал к тем, кто во время больших кризисов сразу занимал *боевую* марксистскую позицию». (Курсив мой. - М.К.) Поскольку^{13 14 15} для Ленина это важнейший критерий марксистской идентичности, Каутский всё в большей степени перестаёт ему соответствовать.

С точки зрения самого Каутского (не говоря уже о Бернштейне) этот упрек не выглядит убедительным. По мере распространения марксизма неизбежно, отмечает он, возникают и различные его толкования, вследствие чего возможность адекватной интерпретации становится

3

3 Каутский К. К критике теории и практики марксизма. Антибернштейн. М., 2003, с. 74.

8 Самарская Е.А. Указ. соч., с. 34 - 35.

3 Каутский К. Путь к власти. Славяне и революция. М., 1959, с. 49.

9

весьма проблематичной, ибо «каждый пытается читать у Маркса подтверждение собственных взглядов, интерпретировать Маркса в своем духе». Эти расхождения во взглядах марксистов будут, по мнению Каутского, возрастать и в дальнейшем. «Различия точек зрения среди марксистов, - замечает он в «Материалистическом понимании истории», - возникающие из индивидуальных, социальных и национальных различий, стали настолько крупными, что не следует ожидать, что какое-нибудь общепризнанное понимание марксизма будет признано полностью соответствующим взглядам К. Маркса»¹⁶.

Высказанное Каутским утверждение о неизбежности «плюрализации», т.е. «множественности форм марксизма», имеет принципиальное значение, поскольку отказ от *дифференцированного* отношения к нему лишает теоретический анализ сущности и логики исторического развития комплексного учения какой бы то ни было продуктивности. Напротив, именно в формате моделирования в соответствии с принципами диалектической логики становятся очевидными неоправданные издержки как ревизионистской, так и ортодоксально-большевистской версий интерпретации марксизма. С момента своего бифуркационного «разлома» в конце XIX в. он и оказывается, образно говоря, «един в трех лицах», представленных знаковыми именами Бернштейна, Ленина и Каутского. Варианты решения ими базисного для марксизма противоречия между «буквой» и «духом» демонстрируют, в свою очередь, специфику моделей *дуалистической*., *ортодоксальной* и *диалектической*.

Решающую причину распространения марксизма вширь Каутский связывает с экономическим развитием общества, обострением классовых противоречий и численным ростом пролетариата. Разумеется, отмечает он, классовая борьба имела бы место и без марксизма, так же как без его влияния воз - никли бы и политические партии, стремящиеся к завоеванию политической власти. Однако для того, чтобы социалистическое движение смогло подняться выше интересов повседневной, будничной борьбы, нужна была теория, превосходящая уровень как утопических предшественников, так и стихийного рабочего движения. Благодаря концепции материалистического понимания истории марксизм уже в 90-х гг. охватывает почти весь социалистический мир. Каутский отмечает, что именно в этот период исчезает концептуальная множественность

¹⁶ Kautsky K. Die materialistische Geschichtsauffassung. Bd. 1, S. 16. В статье, посвященной тридцатилетней годовщине со дня смерти Маркса (1913 г.), Каутский пишет: «Сегодня мы зашли так далеко, что в пределах марксистской школы можем выделить различные течения... Можем утверждать, что вполне в соответствии с материалистическим пониманием истории, каждая страна имеет выраженную специфику создания особых форм марксизма. Можем, следовательно, говорить о марксизме австрийском, голландском, французском, американском, российском. Этот последний приобрёл даже две особые формы, одну профессорскую и одну подлинно пролетарскую» (Kautsky K. Zum dreissigsten Todestage von Karl Marx. - Vorwärts, 1913, 14. März, N 62.) Даже если согласиться с тем, что Каутский излишне акцентирует на «поливариантности» марксизма (в чём его, естественно, упрекают ортодоксы), нельзя не отметить его правоту в части указания на принципиальное отличие между двумя формами российского марксизма.

теоретического знания и... начинаются попытки опровержения марксистского учения. Вместе с тем, возникновение ревизионизма в 90-е гг. он упрощенно объясняет капризом моды, потерей марксизмом «прелести новизны». Правда, в книге «Материалистическое понимание истории» он гораздо глубже и объективнее связывает ревизионизм с необходимостью развития марксистской диалектической основы, которая «является не застывшей догмой, а гибким методом».

В ряде своих работ Каутский рассматривает вопрос об исторических судьбах учения Маркса и Энгельса. Эти исследования, несмотря на присущие им недостатки, примечательны как одна из первых попыток экспликации логики исторического развития марксизма. В работе «Три кризиса марксизма» (1903 г.) он прослеживает его историческое развитие сквозь призму сменяющихся друг друга периодов подъема и упадка. Обоснованное указание на закономерный характер кризиса 90-х гг. XIX в. сочетается, однако, у Каутского с представлением об уже пережитых, якобы, марксизмом аналогичных состояниях в прошлом, с чем трудно согласиться. Для третьего же кризиса, по его словам, вообще не было никакого *внешнего* повода: если не считать смерти Энгельса, он возник «среди полного победоносного шествия практического марксизма»¹⁷. Существовавшие при жизни основоположников расхождения между теоретическими положениями и революционной практикой не «дотягивали» до их квалификации в качестве «кризисных» уже по той простой причине, что сопровождалась их своевременной и адекватной корректировкой, вполне соответствовавшей динамике эпохи домонополистического капитализма. В частности, благодаря оперативному вмешательству Энгельса, его разъяснения в последние годы жизни относительно роли идеологического фактора в истории, несомненно, сдерживали популяризацию идеи «автоматического краха капитализма».

В отличие от ортодоксальных марксистов, Каутский не отождествляет, таким образом, идеологическую сторону учения с социально-философским уровнем его многогранного теоретического содержания. Придерживаясь марксистской методологии, он справедливо полагает, что теория является продуктом своего времени и конкретно-исторических обстоятельств и, естественно, изменяется вместе с ними. На этом основании вполне естественно было допустить, что со сменой исторических эпох на рубеже XIX-XX вв. материализм исторический должен был изменить свою форму подобно тому, как в естествознании он, по словам Энгельса, меняет её с каждым составляющим эпоху открытием. Если признавать, что условием развития диалектического метода выступает его применение, «периодическая ревизия марксизма является, - по словам Каутского, - неизбежной и даже необходимой», но, разумеется, делает он оговорку, она может быть оправдана только в том случае, когда

не ставит под сомнение истинность марксизма в целом и не направлена на возврат к домарксову методу мышления. Все дело, однако, в том, что пересмотр основополагающих теоретических положений в редакции Бернштейна превратился, по существу, в «зряшное» отрицание диалектической, т.е. научной, сущности марксизма.

Дистанцируясь от Бернштейна, убеждённого в самодостаточности реформистской деятельности, Каутский строго различает революцию как конечную цель и значение реформ в условиях развитой буржуазной демократии, утверждает, что не является сторонником легальных форм во всех условиях и «во что бы то ни стало». Реформы не могут привести к социализму, полагает он, так как социализм знаменует качественный скачок, принципиальный разрыв с существующим обществом. Однако, несмотря на все эти «смягчающие» обстоятельства, признаки «измены марксизму» с его стороны Ленин склонен усматривать уже в «половинчатом», «уклончивом» и «примирительном» характере его опровержения «бернштейниады».

Сегодня очевидно, что Каутский, действительно, недооценивал опасность бернштейнианского ревизионизма, заявляя в начале XX в., что он представлял собой *умершее* течение. Впрочем, если ему можно вменить теоретические просчёты и «политическую близорукость», повлиявшие на усиление *теоретической* эрозии марксизма внутри европейского и международного социал-демократического движения, то ответственность за дальнейшее углубление и *идеологическое* оформление наметившегося раскола в дооктябрьский и особенно в советский периоды ложится уже целиком на идейную и организационно-политическую линию РСДРП (б).

Теоретический анализ капитализма и сущности социальной революции

Приверженность Каутского идее определяющей роли «экономического фактора» в истории означает не больше, чем признание экономических предпосылок необходимым предварительным условием *соответствующих* изменений в социальной сфере. Эта позиция, таким образом, вовсе не свидетельствует о *разрыве* между теорией и практикой, если, конечно, не противопоставлять такому пониманию их взаимосвязи возможность их полного, исчерпывающего совпадения. По отношению к практике теория всегда является в известном смысле «упрощением». Весь вопрос в *понимании сущности* социально-преобразующей практики, т. е. в теоретическом осознании ведущих к качественным изменениям *путей*. Каутский уклоняется от однозначного (сводимого к заведомо *недемократическим* формам) изменения социальной реальности, но благодаря этому он дистанцируется лишь от *ортодоксальных* марксистов, избегающих «двусмысленности» формулировок и доказывающих тем самым своё «упрощённое» понимание марксистской теории. Именно различным пониманием роли практики объясняется упрек в «*непрактичности*», адресованный Каутскому ортодоксальными марксистами.

Будучи, таким образом, вполне «реалистической», его политическая программа не была в то же время узко *прагматической*, подобно реформистской или ортодоксально-большевистской. Из диалектического понимания теории и практики следовало, что «цель и движение соединены в социал-демократии и не отделимы друг от друга. Если когда-либо цели и движение вступают в конфликт между собой, то должно уступить последнее. Другими словами: *интересы социального развития стоят выше интересов пролетариата, и социал-демократия не может защищать интересы пролетариата, препятствующие социальному развитию*»^{18 19}. (Курсив мой. - М.К.) По мысли Каутского, если развитие производительных сил ведёт к пролетаризации общества, только количественное преобладание пролетариата в общей массе населения может служить гарантией завоевания им политической власти как перехода от буржуазной демократии к «господству большинства». Во многих его работах начиная с 90-х гг. XIX в. встречаются замечания о том, что в Германии промышленный пролетариат численно, организационно и политически превращается в «самый сильный класс», способный в союзе с остальными наёмными работниками капитала под руководством социал-демократической партии решить эту задачу, и «не найдется такой силы, которая была бы в состоянии оказать ей сопротивление» .

Важное значение в анализе социально-философских взглядов Каутского имеет и его дифференцированный подход к понятиям «социальная революция» и «политическая революция». Разъясняя значение понятия «революция», Каутский указывает на то, что его употребление «может вести к заблуждениям», ибо не все перевороты суть революции, а лишь некоторые из них. Достаточно даже поверхностного знакомства с партийной литературой, пишет он, чтобы исчезли сомнения в том, «что *социальная революция и политическое восстание* - два совершенно различные понятия. Социальная революция есть цель, которую принципиально ставят перед собой, а восстание может быть только средством к цели, оцениваемым только с точки зрения его целесообразности. Однако, не только *социальную*, но и *политическую* революцию нельзя приравнять к восстанию»²⁰. В статье «Социал-демократический катехизис» («DieNeueZeit», 1893-1894 гг.), которую в 1909 г. Каутский частично включил в свою работу «Путь к власти», он доказывал, что из материалистического понимания истории следует вывод о неизбежности победы революции: «Мы знаем, что наши цели могут быть достигнуты *только* путём революции, но мы знаем также, что *не в наших силах* осуществить эту революцию, так же как наши противники *не в силах воспрепятствовать* ей. Поэтому нам и в голову не приходит *затеивать* или подготавливать революцию. И поскольку *мы не можем по своему желанию* устроить революцию, мы не можем ничего сказать и о том, *когда*,

² Каутский К. Аграрный вопрос (Аграрная программа). СПб., 1905, с. 18.

¹⁹ Там же, с. 13.

²⁰ Каутский К. К критике теории и практики марксизма (Антибернштейн). С. 278, 279.

при каких обстоятельствах она наступит и в каких формах будет протекать»²¹. (Курсив мой. - М.К.)

В этой, на первый взгляд, весьма уклончивой формулировке, содержится безусловно верная мысль о том, что *социальную* революцию в собственном смысле слова нельзя «подготавливать и устроить по своему желанию», если её «*сущность... видеть не в одном только государственном перевороте, а в следующих за этим переворотом новообразованиях*». Следуя этой логике, правомерно утверждать, что социальная революция начинается с качественных изменений в *технологическом* способе производства, а не с *политического* переворота, по уверению ортодоксов. Подобное предположение тем более допустимо, что оно вполне согласуется с позицией Маркса. Раскрывая диалектическую взаимосвязь производительных сил и производственных отношений, он вводит понятие *технологической* революции, дополняющей и конкретизирующей механизм действия революции политической *в исторических границах социальной бы* в состоянии оказать ей сопротивление» *революции: «Вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях»*²². (Курсив мой. - М.К.) Технологическая революция в этом отношении выступает, если использовать выражение Ф. Энгельса, в качестве своего рода «пробного камня» революции социальной. Поэтому нельзя не согласиться с Каутским в том, что в стремлении «к социально-политическим и экономическим реформам» важно «не производить раскола спорами о том, о чём никто не может знать, когда оно придёт». По мысли Каутского, нужно стремиться к тому, чтобы не превращать партийную политику в авантюристическую, абсолютизирующую революционное насилие. Необходимо, полагал он, избегать всяких попыток победить историческую необходимость грубой силой или же, что собственно одинаково плохо, перехитрить её дипломатическими уловками.

Вызывает, правда, недоумение тезис Каутского о том, что закон социальной революции не применим к странам Запада на докапиталистических этапах развития, также как не применим он на протяжении всей истории к государствам Востока. Классовые битвы, считает лидер немецкой социал-демократии, закончились и там и здесь политическими революциями, т.е. заменой одних институтов управления другими, переменой в положении отдельных классов и социальных групп, но они, якобы, не затронули экономической основы общества, которая не претерпела никаких существенных изменений.

Тем не менее, взгляд Каутского на перспективы развития капитализма базируется на выявленной Марксом логике его диалектического отрицания: естественные законы капиталистического способа производства ведут к его собственному самоустранению. Именно такой вариант решения вопроса о месте капитализма в истории

4

5

⁴ Каутский К. Путь к власти. Славяне и революция. С. 65.

⁶ Маркс К. Экономическая рукопись 1861 - 1863 годов // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 47, с. 461.

объединяет всех последователей Маркса, как радикальных, так и неортодоксальных. Выводы Бернштейна, пытавшегося противопоставить видимое несоответствие новейших тенденций в развитии капитализма марксовской схеме исторического процесса, при их диалектической интерпретации не могли её опровергнуть. Каутский соглашался с тем, что реальный ход истории оказывается сложнее, чем предвидели основоположники, но был убеждён в истинности указанного ими общего её направления. Продолжающийся процесс концентрации производства и собственности, усиление экономических функций государства и усилившаяся борьба за колониальный раздел мира отнюдь не свидетельствовали о «растворении» основного противоречия капитализма в его качественно изменившейся природе, хотя и существенно усложняли классический теоретический портрет, в штрихах которого между марксистами проглядывали и принципиальные разногласия.

Разумеется, в теоретических представлениях об империализме и у Каутского и у Ленина, ставшего его непримиримым оппонентом, можно без труда обнаружить немало элементов «опережающего» отражения действительности, выдаваемых за уже «ставшую» реальность. От «забегания вперёд» не были свободны и взгляды основоположников. Собственно говоря, наличие нереализованных возможностей, традиционно рассматриваемое анти-марксистами как признак несостоятельности и утопичности марксизма, неизбежно в процессе наложения конкретноисторических деталей на социально-философскую проекцию и их *переплетения*. При желании можно всегда отделить зерна от плевел. В данном случае заслуживает внимания анализ Каутским кризисного характера генезиса капиталистического способа производства.

Причину периодичности кризисов он справедливо усматривает в «отсутствии планомерности», которую в масштабе общества не способна обеспечить ни одна из форм монополистического объединения, ни все они вместе взятые. Логически вполне допустимо поэтому предположение о том, что кризисный характер производства устраним лишь при условии превращения его в *один* картель, а это, в свою очередь, достижимо только после упразднения частной собственности, т.е. при социализме. В этом пункте он не расходится с Лениным, также полагающим, что «устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало»^{23 24}. Социализм, по определению Ленина, есть капиталистическая монополия, обращённая на пользу *всего* общества и потому переставшая быть ею. Вполне обоснованно и утверждение Каутского о том, что капитализм вступил в полосу хронического кризиса перепроизводства. Уже в 90-е гг. XIX в. он отмечает, что «капиталистическое общество начинает задыхаться в своем

Каутский К. Эрфуртская программа. М., 1959, с. 100.

«...Роль сильнейшего стимула развития производительных сил, - пишет он, - капиталистический способ производства уже сыграл. Уже в восьмидесятых годах прошлого столетия»¹²

собственном изобилии; оно становится всё менее способным выдерживать полное развитие производительных сил, которые оно само создало». В работе «Социализм и колониальная политика» (1907 г.) Каутский развивает этот тезис, доказывая, что «социализм в настоящее время уже стал экономической необходимостью»²⁵.

Вместе с тем, нельзя согласиться с его безусловно упрощённой аргументацией на этот счёт. Существование экономических границ капиталистического развития он ставит в прямую зависимость от якобы снижающейся ёмкости рынка сбыта капиталистической продукции в сокращающихся по удельному весу некапиталистических регионах. На этой же основе построила свою концепцию всемирного краха капитализма и Р. Люксембург в «Накоплении капитала». История показала, что абстрактная возможность такого рода не была реализована даже к началу XXI в. Столь же односторонний характер имеет и предположение Каутского о неустранимой при капитализме диспропорциональности между развитием промышленности и сельского хозяйства, обусловленной различной степенью концентрации производства и собственности.

Симптомом изживания капитализма и перехода капиталистических предприятий в «безличную собственность», по мнению Каутского, является полное устранение организационно-управленческих функций из ведения класса капиталистов, которому «остаётся только одна задача - пожирать то, что производят другие; капиталист сделался столь же излишним, как и феодал сто лет назад»²⁶. Это высказывание Каутского не следует, конечно, понимать буквально. Речь, безусловно, идёт о долговременной общеисторической тенденции, упоминания о которой встречаются ещё у Маркса. «Именно в паразитизме и загнивании капитализма» видит экономическую основу «его высшей исторической стадии» и Ленин. В то же время, акцентируя внимание на переходном характере «нового капитализма» «к более высокому строю», он резко расходится с Каутским в теоретическом понимании его сущности, не говоря уже о практически-политических выводах.

Концепция ультраимпериализма с позиции марксистской методологии

На протяжении многих десятилетий ленинская критика «каутскианства» в этом вопросе выдавалась ортодоксальным марксизмом за доказательство её безусловного превосходства по отношению к «реформистской сущности концепции ультраимпериализма»²⁷. Между тем,

капиталистический способ производства достиг того предела, за которым он все больше и больше становится препятствием для дальнейшего развития производительных сил. Еще не в том смысле, что делает невозможным всякий их дальнейший рост; напротив, такой рост все еще происходит; но уже в том смысле, что стал возможным способ производства, при котором развитие производительности происходило бы быстрее, чем при капиталистическом способе производства, что капиталистический способ производства в интересах своего собственного сохранения вынужден ставить все большие препятствия развитию производительности» (Каутский К. Социализм и колониальная политика. Берлин, 1907, с. 37).

²⁵ Каутский К. Эрфуртская программа. С. 101.

¹ Брайович С.М. Указ. соч. с. 181.

⁴⁷ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) // ПСС, т. 27, с. 324.

в этом противостоянии далеко не все рассуждения Каутского выглядят сегодня теоретически безнадежными и устаревшими. Более того. Нынешнюю глобальную гегемонию корпоративного капитала можно вполне рассматривать как «ультраимпериалистическую политику», направленную на «общую эксплуатацию мира интернационально-объединённым финансовым капиталом», политику, осуществимость которой была гипотетически сформулирована Каутским.

«И теоретический анализ империализма у Каутского и его экономическая, а также политическая критика империализма, - по мнению Ленина, - насквозь проникнуты абсолютно непримиримым с марксизмом духом затушевывания и сглаживания самых коренных противоречий»²⁸. Примечательно, что в собственной критике якобы «марксистской» теории Каутского Ленин использует главным образом не диалектический потенциал марксизма, а «убойную силу» идеологических аргументов. *Объективный*, т.е. «действительный социальный смысл» теории ультраимпериализма сводится им к «обману масс», к отвлечению их внимания от острых проблем современности в направлении призрачных надежд на возможность постоянного мира в будущем без устранения капитализма. Что же касается собственно теоретических контраргументов, то они весьма уязвимы.

Точкой отсчета в полемике служит определение империализма, данное Каутским²⁹. Оно, действительно, не лишено недостатков и, в отличие от ленинского, не обладает системностью. Каутский резко отделяет экономику капитализма, включая процессы вывоза капитала и создания финансовой олигархии, от империалистической политики, хотя и оговаривает, что указанные мировые процессы обусловили её появление. Империализм для него - это, прежде всего, политика колониализма, агрессии и милитаризма. В связи с этим он выдвигает задачу борьбы с ней за установление демократических принципов в международных отношениях. Но далее демонстрирует собственную непоследовательность Ленин. Он признаёт, что «монополия при капитализме никогда не может *полностью и на очень долгое время* устранить конкуренции с всемирного рынка» и усматривает в этом в то же время «одну из причин *вздорности* теории ультраимпериализма»³⁰. (Курсив мой. - М.К.) Но если присущая монополии тенденция к застою и загниванию в определённый промежуток времени *преобладает*, она может лишь «до известной степени» искусственно задерживать «побудительные причины к техническому, а, следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперёд». Как бы далеко ни заходила борьба между союзами капиталистов, ведущая к

²⁸ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 420.

²⁹ Определение Каутского гласит: «Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие *аграрные* области, без отношения к тому, какими нациями они населены» («Die Neue Zeit», 1914, 2 (32 т.), с. 909, от 11 сентября 1914 г.).

³⁰ См.: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 397.

войнам, стремление понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений заставляет их искать иные средства («кроме войны») для устранения возникающих объективных противоречий. Разумеется, *постоянные* изменения форм этой борьбы «в зависимости от различных, сравнительно частных и временных, причин» не меняют «её классовое содержание». Однако Каутский и не пытается его ни обойти, ни затушевать, якобы «софистически» подменяя «вопрос о *содержании* борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о *форме* борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной)»³¹. (Подчёркнуто мной. - М.К.) Ведь если рассматривать, опять-таки, по словам самого Ленина, «как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма», то «противоречие между монополиями и существующей *рядом с ними* свободной конкуренцией» (курсив мой. - М.К.) есть, несомненно, одно из них. Принимая во внимание это обстоятельство и исходя, кстати, из того, что «диалектика требует *всестороннего* исследования данного общественного явления в его развитии и сведения *внешнего, кажущегося* к *коренным движущим силам*, к развитию производительных сил и к *классовой борьбе*»³² (т.е. к соотношению прошлой, опредмеченной, и живой, непосредственной, деятельности. Курсив мой. - М.К.), совершенно неправомерно редуцировать *противоречивую сущность* высшей стадии капитализма к монополизации как явственно обозначившейся (и доминирующей) *одной* её стороне. Если элиминировать конкуренцию из содержательного анализа империализма в качестве подчинённой, но *сущностной* стороны противоречия, устраняя преемственную связь с предшествующей ступенью, ни о какой *новейшей* фазе в развитии *капитализма* говорить уже не приходится.

«Сглаживает» ли Каутский это коренное противоречие империализма «мёртвой абстракцией» и «глупенькой побасенкой» «мирного» ультраимпериализма? Защищает ли он «реакционный идеал» восстановления свободной конкуренции ссылками на «мирную демократию» и «простой вес экономических факторов» или пытается обнаружить «черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»? Дают ли международные картели («будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала»), которые кажутся ему «зародышами» новой экономической политики, «возможность надеяться на мир между народами при капитализме» или борьба с этой политикой обречена оставаться «добренькими и невинными благопожеланиями»? Наконец, спрашивается, «мыслимо ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были не кратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?»^{33 34 35}. По словам Ленина,

³¹ Там же, с. 373.

³² Ленин В.И. Крах II Интернационала // ПСС, т. 26, с. 223.

³³ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 417

«достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного» . Но в том то и дело, что уже в самой постановке вопросов заключена *идеологически однозначная* подоплека.

Однозначность (а, следовательно, односторонность) гипертрофированного классового подхода Ленина вполне устраивает. Как и Р. Люксембург, он видит в идеологической ориентации марксизма и необходимое и *достаточное* условие его научной состоятельности, что делает не только излишним, но и не совместимым с марксистской теорией внесение в неё каких бы то ни было «двусмысленных» корректив: формулировать «дело научным образом» - значит становиться на точку зрения «отношения между классами современного общества». Империализм, полагает он, *теоретически оценён уже во всех своих главных чертах*⁵⁹. Ленин уходит при этом от вопроса об *экономической* подготовленности социализма, утверждая, что «Каутский «осуществляет» передержку», когда приписывает левым социалистам установку на «немедленное осуществление социализма»³⁶. Каутский же в данном случае отслеживает логику ортодоксального марксистского мышления в её принципиальных параметрах: не подготавливать же, действительно, политическую революцию ради самой революции? Корни теоретических разногласий следует, таким образом, искать не в отступлениях Каутского от марксистской методологии, а в принципиально отличном использовании её радикальными и неортодоксальными марксистами.

Фактически Ленин подменяет постановку этого вопроса констатацией наличных *объективных* признаков революционной ситуации. В этой связи он замечает, правда, что *никто не может знать*, как долго она продержится и насколько ещё обострится, и поручиться «за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация». Во всяком случае, он убеждён в том, что «на почве всемирного разорения, созданного войной, растёт... всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и её победой»³⁷. Если, таким образом, стратегическая, идеологически выверенная линия марксистской

³⁴ Там же.

социалистической борьбы с капитализмом, от противопоставления себя тем, кто изменил этой борьбе, было бы смешно.» (Ленин В.И. Крах II Интернационала. С. 216-217).

³⁶ «Каутский, - пишет он, - прекрасно знает, что левые требуют от партии *немедленной* пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не «немедленного практического осуществления социализма» (Ленин В.И. Крах II Интернационала. С. 229-230). На деле, однако, это заявление Ленина не более, чем софистический приём, ибо очевидное и для него и для Каутского отсутствие объективных предпосылок для перехода к социализму в России не могло остановить и, как показали дальнейшие события, ничуть не препятствовало провозглашению большевиками этой исторически невыполнимой задачи после завоевания политической власти. Каутский в данном случае отслеживает *логику* ортодоксального марксистского мышления в её принципиальных параметрах: не подготавливать же, действительно, революцию ради самой революции?

³⁷ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 305-306.

теории сомнений не вызывает, все её «тонкости» и нюансы, на которые обращает внимание педантичный Каутский, для Ленина имеют принципиальное значение только в интересах разоблачения «протитуированного» марксизма. Поскольку сущность учения Маркса Ленин сводит к теории освободительного движения пролетариата³⁸, «бесспорная» и «самая основная» обязанность социалистических партий заключается, считает он, в том, чтобы «использовать» кризис для «ускорения» краха капитализма³⁹. Если рассуждать последовательно и объективно, ленинская критика теории ультраимпериализма, «наиболее искусно подделанной под научность и под международность», выглядит, по меньшей мере, неубедительно. Избегающий радикализма революционной тактики ортодоксальных марксистов Каутский оказывается в одном ряду с буржуазными реформистами и оппортунистами всех мастей уже вследствие нежелания *со всей определённойностью утверждать* в своих прогнозах, что «новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и условий, - а, напротив, заявляет прямо: даже вопроса об «осуществимости» новой фазы я еще не могу решить» .

«Рассуждая *абстрактно-теоретически*», соглашается Ленин, к такому выводу «можно прийти», но тут же добавляет, что он будет «упрощён» и (следовательно?) «неправилен». Однако всякое ли упрощение чревато ошибкой? Руководствуясь правилами диалектической логики, очевидно, можно не только её избежать, но и приблизиться к истине. Критикуя «распровавшего с марксизмом» Каутского, Ленин исходит из собственного «*идеологически-упрощённого*» представления о механизме социальной детерминации, согласно которому капиталистическая общественно-экономическая формация обречена под грузом неразрешимых противоречий погибнуть «непременно *раньше*», чем достигнет своего логически «мыслимого» предельного состояния (т.е., по выражению К. Маркса, «раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора»). Он оставляет в тени тот «объективно-научный», по выражению Н.А. Бердяева, аспект марксистской теории (или, точнее, подчиняет его «субъективно-классовому»), который в теоретических построениях Каутского и всех неортодоксальных марксистов выступает на передний план, рассматривается в качестве *определяющего*. По собственному признанию Ленина, «только» «революционность» марксизма формирует и воссоздаёт его «живую душу»^{40 41 42 43} .

³⁸ См.: Ленин В.И. Крах II Интернационала. С. 227.

³⁹ Там же, с. 222.

⁵ См.: Ленин В.И. Крах II Интернационала. С. 227.

⁴¹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 422.

⁴² Ленин В.И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм». С. 97.

⁴³ Каутский К. Национальное государство, империалистическое государство и союз государств. Нюрнберг. 1915, с. 73.

Руководствуясь сугубо идеологической меркой, он и «облачает» теорию ультраимпериализма в практические «одежды», сулящие пролетариату «иллюзорные» надежды. Придерживаясь диалектической логики и учитывая, что «в целом капитализм *неизмеримо быстрее*, чем прежде, *растёт*»⁶⁶ (курсив мой. - М.К.), следовало бы, выкраивая «одежду», оставить, как принято говорить, «на вырост». Новая фаза капитализма «мыслима», подчеркивает он, *после* империализма, т.е. в другую историческую эпоху, когда, по Каутскому, якобы «притупляется» острота присущих ему противоречий. «Марксизм в этом построении признаётся для той «новой фазы капитализма», за *осуществимость* которой сам её сочинитель не ручается [как будто кто-нибудь на его месте *смог бы* «поручиться» за то, что прогнозируемый ход общественного развития будет *неотвратимым*. - М.К.], а для теперешней, уже наступившей, фазы вместо марксизма подаётся мелкобуржуазное и глубоко реакционное стремление притупить противоречия» .

Оставаясь не только официальным идеологом немецкой и (расколовшейся с началом войны) европейской социал-демократии, но ещё в большей мере теоретиком марксизма, Каутский лишен возможности «платить» главному идеологу революционного российского пролетариата той же (в виде наклеивания идеологических ярлыков) «звонкой монетой», хотя Ленин не избежал с его стороны обвинений в сектантстве, волюнтаризме, авангардизме, измене социалистическим и демократическим принципам и... даже в оппортунизме. Ни свободная торговля, ни демократия, пишет Каутский, *не могут устранить* порождаемых капитализмом экономических противоречий. «Но мы во всех отношениях заинтересованы в том, чтобы эти противоречия изживались борьбой в таких формах, которые налагают на трудящиеся массы меньше всего страданий и жертв» . Его нелепо, разумеется, представлять в образе социалистического «мечтателя», «уговаривающего» финансистов не делать зла». Не хуже Ленина он сознаёт, что «капиталисты делят мир не по своей особой злобности» и в зависимости от изменяющегося между метрополиями соотношения сил. Шесть самых крупных империалистических государств (США, Англия, Франция, Германия, Япония и Италия) владели к 1919 г. колониями, территория которых составляла 36% территории всей планеты.

В разгар беспрецедентной по разрушительным масштабам империалистической войны Каутский высказывает предположение о том, что в зависимости от её исхода возможно и последующее обострение межнациональных и классовых противоречий, делающее «неизбежной вторую всемирную войну»: «Но война может кончиться иначе. Она может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма. Её уроки...

⁶ могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во
⁹ время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до
⁷ разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до
⁰

войны всё сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть»⁴⁴. Каутский безусловно прав в том, что «стремления капитала к расширению» *«лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией»*⁴⁵. Война при всей её исторической неизбежности, вытекающей из природы империализма, обусловлена сочетанием конкретных обстоятельств и является скорее экстремальной, чем *оптимальной* формой разрешения его экономических противоречий.

Подтверждением мысли Каутского о наличии экономических тенденций к ультраимпериализму может служить тот факт, что переход развитых капиталистических государств после второй мировой войны к политике нео - колониализма с её ориентацией преимущественно не на силовые, а «чисто» экономические рычаги эксплуатации, демонстрируя устранение «худших причин» «морального отмирания капитализма», оказывается одновременно для стран «золотого миллиарда» и гораздо более эффективным способом разрешения *внутренних* противоречий. Другое дело, что достижение эксплуататорским строем этой ступени не ведёт к устранению *основного* для него противоречия и потому не отменяет его исторической обречённости.

Борьба за демократию как перманентное условие вызревания социализма

Невиданный взрыв шовинизма и военной агрессии был воспринят Каутским и многими социал-демократами как колоссальный кризис демократии. Главной задачей социал-демократической партии во время войны Каутский считал борьбу за её прекращение на основе восстановления и дальнейшей демократизации международных отношений. Вопрос о приоритете демократических или социалистических задач в классовой борьбе пролетариата именно в этот период оказывается для международного социал-демократического движения камнем преткновения и решающим фактором идейно-организационного раскола. Большая часть российских социалистов во главе с Лениным, также как группы К. Либкнехта и Р. Люксембург в Германии и другие объединения европейских социалистов, рассматривали факт кризиса буржуазной демократии в качестве основания для вывода о необходимости ускоренной подготовки к социалистической революции.

Каутский представлял господствующее в европейской социал-демократической среде убеждение в том, что война - неподходящий момент для неё. Он категорически отказывается от упований на политический переворот в связи с поражением своей страны в войне, так как это противоречит, по его мнению, патриотическим настроениям защиты отечества. В статьях, опубликованных в 1914-1915 гг., он утверждает, что социал-демократические партии в условиях военного времени за

Neue Zeit. № 5. 30. IV. 1915, с. 145.

Цит. по кн.: Ленин В.И. Крах II Интернационала. С. 236.

неповиновение его законам подверглись бы неминуемому запрещению и потому не смогли бы развернуть свою деятельность в мирное время.

Аргументы, используемые им для обоснования политики партии во время войны, конечно, далеко не бесспорны. Он признаёт, в частности, что для милитаристских кругов воюющих держав и «в последнем счёте» война носит захватнический, колониальный характер и призывает пролетариат бороться против колониальной экспансии. В то же время она не является, по его словам, «чисто» империалистической, поскольку народы этих стран вынуждены вести справедливую, оборонительную борьбу и «нужно при всех условиях охранять и защищать независимость своей нации, когда она находится под угрозой». Дело пролетариата было бы безнадежно, писал он, если бы его интернационализм нельзя было примирить с обороной. Однако даже если соглашаться с тем, что при наличии гарантируемых государством гражданских прав и свобод (отсутствовавших в России, где пролетариат в силу этого «не имел своего отечества») трудящиеся обязаны его защищать, нельзя не принимать во внимание особое положение немецкого рабочего класса, чье правительство инициировало начало военных действий, т.е. явилось фактическим виновником войны. С учётом этого обстоятельства голосование парламентской фракции Германской социал-демократической партии за предоставление военных кредитов явилось, несомненно, актом её измены принципам демократии и пролетарского интернационализма.

Уже после окончания войны и свершившейся Ноябрьской революции в Германии, получив доступ к секретным ранее архивам министерства иностранных дел и убедившись в агрессивности политики кайзера Вильгельма, Каутский признал политическую вину немецкой социал-демократии за недостаточно решительные антивоенные действия с её стороны. В работе «Как возникла мировая война» он объясняет стратегию «оборончества» прежде всего ложью официальной пропаганды, возлагавшей ответственность за начало войны на Россию. Если бы немецкому народу были известны агрессивные планы германского и австрийского правительств, направленные на развязывание войны, социал-демократия и пролетариат, по его мнению, вели бы себя гораздо более радикально.

Позиция неприятия пролетарской борьбы за государственную власть, разумеется, резко диссонировала с довоенным «совершенно определённым» утверждением Каутского о том, «что революция, которую несет с собой война, разразится или во время войны, или непосредственно после неё», которую он сформулировал в брошюре «Путь к власти». Тем не менее, она отнюдь не свидетельствовала о «сползании» Каутского с высоты *ортодоксального* марксизма к оппортунизму и социал-шовинизму, как полагал Ленин, по той простой причине, что Каутский никогда не был *убеждённым* сторонником *решающей* роли политического насилия, вытекающей из ортодоксального

толкования марксизма.

На каких бы условиях ни был заключен мир, демократических или империалистических, социалисты, считал Каутский, должны будут и после войны бороться за демократию, ибо только она создаёт необходимые условия для реализации пролетариатом его конечной цели. Прежде, чем совершится политическая революция, социалистический уклад и соответствующие ему формы организации общественной жизни в целом должны пройти этап внутриутробного развития в рамках демократического строя. Задача пролетариата и его партии состоит, следовательно, не в том, чтобы захватить власть, опираясь на достигнутый (и произвольно определяемый для её решения) уровень обобществления производства, а чтобы, как утверждал Каутский в конце 20 -х гг., формулируя *комплексный* критерий, «создать такие формы жизни, которые превосходили бы существующие формы как с точки зрения трудящихся масс, так и с точки зрения длительного благосостояния всего общества и были бы поэтому благожелательно приняты этими массами и удержаны»⁴⁶.

Сформулированная Каутским идея о вызревании социализма в недрах капитализма внешне очень напоминает бернштейнианскую концепцию «врастания» капитализма в социализм. Сам Каутский, однако, не соглашался с подобным отождествлением, указывая, что речь у него идёт не о «врастании», а о создании «предпосылок». Демократия для Каутского, в отличие от Бернштейна, не является надклассовым образованием, не теряет своего исторически конкретного содержания, хотя, в то же время, представляет собой «единственный метод, при помощи которого могут быть выработаны высшие формы жизни, для культурного человека воплощаемые социализмом. Диктатура, - по его словам, - ведёт лишь к такого рода социализму, который называют азиатским» .

Отправной точкой социализма, по их общему убеждению, должна служить не кризисная экономическая ситуация развала и хаоса, а сравнительно «процветающий» капиталистический способ производства, который в известной степени уже ассимилировал новые, идущие ему на смену организационно-технологические формы, выявив их преимущества в динамике производительных сил. Новый общественно-экономический уклад становится господствующим по мере роста своей притягательности в общественном сознании, он вырастает как бы из условий свободной конкуренции (в отличие от политически-монополистического диктата, соответствующего ортодоксальному эталону сущности революционных преобразований). Вместе с тем, капитализм обнаруживает и свою неспособность к завершению начавшегося процесса трансформации, в связи с чем возникает необходимость в «акушерской» помощи. На этой

7

1

7

2

Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т.2. М., Л. 1931, с. 523. Каутский К.

Терроризм и коммунизм. Берлин. 1919. С. 225-226.

«истощения» («морального отмирания») капитализма, не считая, однако, что это произойдет автоматически. Но если исходить из того, «что не экономическая гибель промышленного капитализма, а его процветание создаёт наилучшую обстановку для успеха первых шагов социалистического режима»⁴⁷, вопрос, - где та грань, которая *отделяет* один формационный тип общества от другого, - остаётся все же открытым.

По отношению к Октябрьской революции в России Каутский придерживался резко «критической» и во многом оправданной позиции. Он неоднократно отмечал, что социалистические преобразования, проводимые большевиками, не имели в России необходимых материальных и духовных предпосылок. «Обстоятельства, - писал он в работе «Демократия или диктатура», - были в высшей степени неблагоприятны для осуществления их намерений и при экономической отсталости страны совершенно отсутствовали все предварительные условия, необходимые для достижения их целей»⁴⁸. Солидаризируясь с мнением Г.В. Плеханова, Каутский исходил из того, что Россия осталась перед лицом нерешённых Февральской буржуазно-демократической революцией задач. В факте роспуска не успевшего приступить к работе Учредительного собрания он справедливо усматривал изначальное стремление большевиков к созданию однопартийной системы. «Чтобы прийти к власти, они выкинули, - по его словам, - за борт свои демократические принципы. И чтобы удержать за собой власть, они свои социалистические принципы отправили вслед демократическим. Они отстаивали себя персонально, но принесли в жертву свои принципы и этим проявили себя в качестве истинных оппортунистов. Большевизм победил в России, но социализм потерпел там поражение»⁴⁹. Закономерность терроризма большевиков Каутский иллюстрирует ссылками на аналогичные примеры из истории Великой французской революции, доказывая, что в обоих случаях его источник заключается в стремлении навязать обществу цели, для реализации которых еще отсутствуют необходимые предпосылки.

Новейшие экономические тенденции в развитии капитализма свидетельствовали, как верно подметил Каутский, о формировании новых политико-институциональных форм в практике международных отношений. В эпоху империализма, писал он, буржуазия стремится уже не столько к созданию национальных государств, сколько к «государствам национальностей». Ссылаясь на интеграционные процессы в экономике и культуре, многие социалисты полагали, что уже сбываются предсказания Маркса о полном слиянии всех наций. Такие теоретики социализма, как Н.И. Бухарин и «империалистические экономисты» (как называл их Ленин) предлагали отказаться от ориентации на старомодный принцип

⁴⁷ Там же, с. 595.

⁴⁸ Каутский К. Демократия или диктатура. Владивосток, 1921. С. 5.

⁴⁹ Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919. С. 156.

национальной государственности в преддверии перехода к интернациональному сообществу. Каутский выступал против экспансионистской политики в любом её идеологическом облачении: как со стороны реакционных империалистических правительств, так и со стороны революционных представителей пролетарского интернационализма. Завершая работу «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (1915 г.), он писал: «Союз государств, а не государство национальностей или колониальная империя, является той формой больших империй, в которой нуждается капитализм для достижения своей последней высшей степени развития, когда пролетариат осуществит свою конечную цель» .

К концу XX в. каутскианский лозунг Соединенных Штатов Европы, которые, по мнению Ленина, «при капитализме, либо невозможны, либо реакционны», стал свершившимся фактом. Объединённая Европа преодолела барьеры, казавшиеся ортодоксальным марксистам неустранимыми вследствие антагонистически противоречивой природы империалистических государств. Принимая во внимание реалии современной эпохи постиндустриализма и глобализации, диалектическая интерпретация которых не укладывается в прокрустово ложе методологических установок ортодоксального марксизма, назрела необходимость как в новом теоретическом прочтении каутскианского «марксистского эволюционизма», так и в восстановлении диалектического потенциала марксизма в целом.